

«Дочеловеченность» человека может быть развита лишь на основе нравственно ориентированного образования и воспитания. Забвение высших моральных ценностей, «метафизического» удивления перед тайной бытия, приводит к забвению человека, культуры в целом. Однако, очевидно, что и каждая культура и конкретный человек, лишаясь духовных ценностей, теряют в конце концов и смысл своего существования.

Литература.

1. Жильсон Э. Философия в средние века. М., 2010.
2. Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики. СПб. 1999.

О.А. Барма

магистр педагогических наук, аспирант ГУО «Белорусский государственный университет культуры и искусств»

БИБЛИОТЕКА КАК ФЕНОМЕН БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА В ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Э. КОСТОВОЙ «ИСТОРИК»)

Художественное воплощение постмодернистских теорий, предложенных представителями джентельменского клуба эпохи культуры постмодерна в лице уже канонизированных «отцов-основателей» постмодернизма – Ж. Деррида и Ж. Бодрийяра, Ж. Делеза и Ф. Гваттари, М. Фуко и Ж.-Ф. Лиотара, в рефлексии сегодняшнего дня, несмотря на их массовое тиражирование и повсеместное использование в различных вариациях, получают новый виток своего развития в творчестве писателей-постмодернистов. Благодаря литературным приемам исторического, детективного жанра, преобладающих в постмодернистской литературе, теоретические концепции постмодернизма были перенесены из академической среды. Заметим, что в последней они развивались весьма интенсивно, но при этом не имели «массовой аудитории», в сферу художественной культуры, где были представлены массовому читателю посредством художественных текстов, впоследствии отнесенных к категории «bestseller».

По мнению И. С. Скоропановой, концепции постмодернизма, реализуемые в художественной литературе, направлены на вскрытие создающего потенциала самоорганизующегося хаоса, неприятия линейности, тотальности, догматизма, утверждение игрового сознания, множественность инакового, альтернативной природы бытия [см.: 3, с. 42], где элементы, являющиеся частью авторского художественного мира, как бы сдвигаются со своего места, приходят в движения, утрачивают стабильность, обнаруживают ранее не известные измерения, становятся самоорганизующимся хаосом [см.: 3, с. 70]. Следует сказать, что ключевыми элементами, способствующими становлению самоорганизующегося хаоса в философии постмодернизма и выражающими концептуальные основы теорий деконструкции, децентрации, ризоморфности, которые применяются для создания постмодернистского художественного произведения, являются ризоморфные объекты, к которым авторы-постмодернисты часто относят книгу и библиотеку.

Использование книги и библиотеки для организации сюжетного пространства в постмодернистской литературе приобрело в конце XX – начале XXI столетия массовый характер, более того, постмодернизм узаконил правила воплощения библиотеки как антикварного, запутанного, пугающего пространства, в котором книга воспринимается как элемент мистики, содержащий в себе загадочный смысл.

Понятно, что традиции изображения библиотеки и книги как ризоморфных объектов, заложенные на заре становления постмодернизма, не потеряли своей актуальности и по сей день. Так, в 2005 году Э. Костова публикует свой дебютный роман «Историк», который

благодаря не только занимательному сюжету, но и составленным идейным и стилистическим находкам, оказался весьма популярным в читательской среде, отвечая всем канонам постмодернистской литературы.

Основной характеристикой, позволяющей нам отнести данный роман к постмодернистской литературе, является *принцип ризоморфного построения сюжетного пространства* и *выделение множества центров*, не связанных между собой, но составляющих единство сюжетного повествования. Рассказ ведется от лица трех и более персонажей, каждый из которых моделирует свое представление о событиях, используя одни и те же качественные и количественные предпосылки и, создавая тем самым разнородные картины повествования, образует сюжетные разрывы, отличающиеся неясностью, туманностью, многозначностью. К сюжетным разрывам можно отнести несоблюдение временных и хронологических рамок, появление второстепенных сюжетов. Однако, в то же время, они способствуют раскрытию авторского замысла, являются хронометражем всего повествования, помогая читателю ориентироваться в нем.

Как уже было нами отмечено, не только сюжетные линии объединены *принципом ризомы*. Ризома подчинила себе основные смыслопорождающие центры. Таких центров много, и они отличаются гетерогенностью, что говорит об отсутствии классической композиционной структуры. Смысловыми центрами в романе являются: книга, библиотека, монастырь, да и сами мысли и действие, высказываемые и совершаемые главными героями, не конкретизируют сложившуюся обстановку, а наоборот – делают ее более абстрактной для читательского понимания. Целостность произведения нарушается благодаря множественности центров: она двоится, множится, рождая новые и новые варианты понимания. В связи с этим роман «Историк» оброс большим количеством разнообразных и совершенно противоположных интерпретаций: его видят как мистический роман; как роман, поднимающий актуальные проблемы современности; как готический; как роман-фэнтези.

«Историк» – это продолжения традиций литературных воплощений научных теорий постмодернизма заложенных еще в начале 80-х гг. XX столетия итальянским семиотиком и медиевистом У. Эко в своем романе «Имя розы». Так, главным местом действия как в романе «Имя розы» и узловыми, для развития сюжета, пространственными точками романа Э. Костовой является библиотека как хранилище текстов, концентрирующих, по мнению Г.В. Заломкиной, «информационную значимость и материальный интерес этих текстов, суммарно – их экзистенциальную первостепенность» [1, с. 120].

Роман повествует о захватывающем, растянутом на пять веков и девять стран, поиске информации об исторической личности – валахском князе Владе Тепеше, оставшимся в памяти людей как Влад Дракула и дожившим до 70-х гг. XX столетия, благодаря вампирическим свойствам «вечной жизни».

Главным средством в поиске становятся многочисленные тексты – письма, дневники, старинные книги и манускрипты, библиографические списки и инвентарные перечни, в большинстве своем хранящиеся в фондах крупных библиотек мира и в фондах монастырских библиотек европейского континента.

Именно здесь и проявляется *ризоморфность* произведения: интересующие героев документы разбросаны по библиотекам двух континентов, более того – документы разделены на части, которые необходимо собрать вместе, чтобы составить общую картину или, вернее сказать, карту, по которой можно найти укрытие Дракулы. Интеллектуальная игра, в которую предлагает сыграть Дракула, заставляет героев углубиться в фонды библиотек, изучить их структуру, чтобы найти необходимую информацию. Однако, отыскав ее, нужно правильно интерпретировать, что нереализуемо по канонам ризомы: возможна лишь догадка, которая может привести к конечной цели, однако она всегда может мгновенно разрушиться, приводя этим к новой догадке.

Хронотоп роковой книги вводится через образ книги, передаваемой Дракулой в качестве своего расположения людям, которых он считал достойными вечной жизни. Дракула ищет помощника в управлении собственной библиотекой, собранной им за пятьсот лет своего

существования и скрытой от мира. Эта библиотека хранит тысячи драгоценных томов информации со всего света, среди которых – манускрипты из Александрийской библиотеки, труды Оригена и Фомы Аквинского, считавшиеся навсегда утраченными [см.: 1, с.123]. Книга – это приглашение, шанс для смертного узреть величие библиотеки Дракулы.

Тайное обширное собрание книг и документов – библиотека Дракулы, высшая точка разработки образа библиотеки как ризоморфного пространства, определяющего все сюжетные линии произведения: аккумулярованное знание, информация, которая обладает ключевой, мистической всезначимой ролью для человечества: «Рядом с томом Фомы Аквинского я нашел раннего Шекспира *in quarto* – исторические хроники. Здесь были тяжелые труды алхимиков шестнадцатого столетия и целый шкаф, отданный иллюстрированным свиткам на арабском, рассуждения пуритан о ведовстве, и миниатюрные томики поэзии девятнадцатого века, и толстые монографии философов и криминалистов нашего века» [2, с. 620].

Пространство библиотеки у Э. Костовой – замкнутое, запутанное, загадочное, связанное со страхом и тайной, грозящее столкновением со сверхъестественным. В библиотеке нет входа и выхода, есть только пространство познания, которое требует своего исследователя, согласившегося проститься с мирской жизнью и отдать себя в ее распоряжения. Строения, в которых библиотеки располагаются, могут быть древними или сравнительно новыми, но пространство с обязательностью оказывается запутанным не имеющим явных координат: «В этой громадной комнате были десятки тысяч книг – если не сотни, считая свитки и другие манускрипты. Не все лежали на столах: груды книг заполняли тяжелые старинные шкафы вдоль стен. Средневековые тома вперемешку с изящными фолиантами времен Ренессанса и современными изданиями» [2, с. 619].

Личная библиотека князя Дракулы, описанная Э. Костовой, относит нас к уже известным нам образам «Вавилонской библиотеки» Х. Л. Борхеса и аббатской библиотеки У. Эко. Как и в библиотеках упомянутых авторов, так и в библиотеке писательницы, нет идеального, единого порядка, есть только хаос, претендующий на звание нового порядка: «Разобрать книги в порядке, принятом в обычных библиотеках, заняло бы недели, если не месяцы, но, поскольку Дракула, несомненно, разложил их в соответствии со своими интересами, я имел право оставить все как есть и только разобраться в системе их расположения» [2, с. 621].

Роман Э. Костовой – это замкнутая на себе бесконечность многочисленных вариаций событий. Сам текст не имеет единого, структурированного пространства и обладает множественными центрами. Он как бы соткан из множества историй, объединенных единым сюжетом, но рассказанных разными персонажами, не имеющих временных и пространственных границ. Библиотека – ризоморфный объект, способствующий воплощению постмодернистских теорий, где человек, вовлеченный в ее ризоматический хаос, с трудом ориентируясь в ее пространстве, чувствует себя заблудившимися в чаще ветвящихся и, неожиданно меняющих свое направления, ведущих во все концы переходов, как физических, так и интеллектуальных.

Литература.

1. Заломкина, Г. В. Смыслы библиотеки в романе Э. Костовой «Историк» / Г.В. Заломкина // Библиотекословедение. – 2008. – № 3. – С. 119–124.
2. Костова, Э. Историк / Э. Костова; пер. с англ. Г. Соловьевой. – М.: АСТ, 2008. – 701 с.
3. Скоропанова, И. С. Русская постмодернистская литература: новая философия, новый язык / И. С. Скоропанова. – Изд. второе, доп. – СПб.: Невский Простор, 2002. – 414 с.